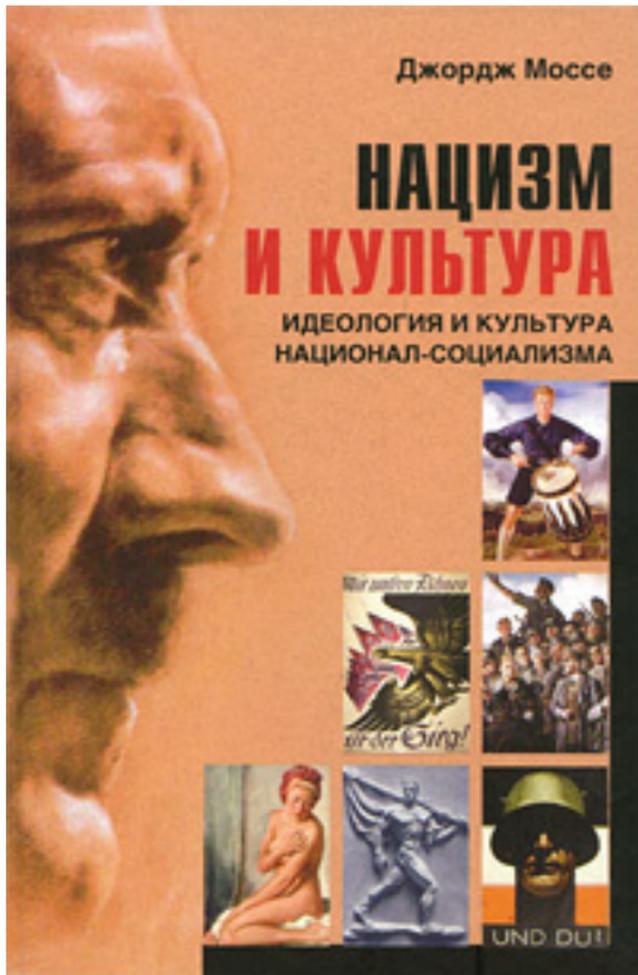

Джордж Моссе

НАЦИЗМ И КУЛЬТУРА

ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА
НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

Джордж Моссе

Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=614845

Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма:

Центрполиграф; Москва; 2010

ISBN 978-5-9524-4588-8

Аннотация

Книга рассказывает об образе жизни немцев при нацистском режиме, когда быт, досуг, общественные и семейные взаимоотношения, воспитание и образование молодежи, идеалы и устремления были подчинены тем целям, которые ставили перед народом его вожди. Особое внимание уделено культуре, при помощи которой осуществлялось идеологическое воздействие на массы и формировалось мировоззрение.

Содержание

Введение	4
Раздел первый	45
О культуре как вере, предназначенной для внедрения в массы	51
Сила идеалов	51
Арийцы как хранители культуры	52
Государство – только средство	53
У евреев нет никакой культуры	54
Необходимость пропаганды	55
Как Гитлер оценивал массы	56
Образование должно основываться на идеалах	59
Образование, инстинкт и воля	60
Гитлеровское определение культуры и искусства	62
Культурный ренессанс	62
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Джордж Моссе

Нацизм и культура.

Идеология и культура национал-социализма

Введение

Третий рейх оказал на нашу цивилизацию глубокое воздействие, не ослабевшее за истекшие годы. Как этому режиму удалось прийти к власти в цивилизованной стране и каким был образ жизни при нацистах – эти вопросы задаются до сих пор, в особенности теми, кому в силу возраста не пришлось сталкиваться с национал-социализмом и жить при нацистском режиме. Эта книга преследует цель показать характер Третьего рейха, приводя оригинальные документы и материалы того времени, которые позволят лучше понять суть этого явления. Главный вопрос, на который мы постараемся ответить: какой же была жизнь при Гитлере? Этот вопрос можно сформулировать и по-другому: каким образом национал-социализм вторгся в сознание живших тогда людей?

По этой причине мы не приводим документы, касающи-

еся внешней политики и внутреннего администрирования, уделяя основное внимание материалам культурной и социальной жизни. Более того, чтобы показать истинный характер режима, мы сконцентрировались на периоде с 1933-го по 1939 год. Национал-социализм, пришедший к власти, рассматривается в книге еще до начала войны, поскольку она накладывает свой отпечаток на многие его идеи и действия, придавая им порой преувеличенное значение. Во всяком случае, после 1939 года в культурной и социальной жизни немецкого народа мало что изменилось. Еще раз подчеркиваем, что приведенная здесь документация иллюстрирует нацистские взгляды на «добропорядочное общество». Это общество не допускало различий между политикой и повседневной жизнью большинства. Ныне во многих некоммунистических странах Запада политика является лишь одним из составных элементов жизни и не внедряется в каждую нашу мысль или поступок. Гитлер же намеревался создать такое органичное общество, в котором все стороны жизни должны были согласовываться с его основными целями. И никому не позволялось стоять в стороне от целей, провозглашенных национал-социалистической партией. Политика у национал-социалистов была не одной из сторон жизни и не одной из наук среди многих других, а точным выражением их мировоззрения. От каждого германца требовалась строгая приверженность этим взглядам, охватывающая все стороны человеческой природы в проявлениях расы, крови и духовности.

Вот что имел в виду Гитлер, говоря о «нацификации масс»¹, считая волю и силу средством для овладения этими массами.

С января 1933 года такой взгляд на политику означал приобщение масс к господствующей в стране идеологии – «выравнивание и балансировку всего механизма» нации. Все люди и организации подлежали «нацификации», то есть оказывались под контролем партии, являвшейся блюстителем германского мировоззрения и создателем провозглашенного добропорядочного общества, под руководством своего вождя – фюрера.

В связи с этим были ликвидированы профсоюзы, а вместо них создан Немецкий трудовой фронт². Все образовательные институты были реорганизованы так, что партия получила полный контроль и над преподавателями, и над студентами и учениками. Была создана целая сеть различных организаций в сфере профессиональной и трудовой деятельности, естественно, под контролем партии, причем членство в них было

¹ Высказывания А. Гитлера цитируются по его книге «Майн кампф» и выступлениям по тем или иным вопросам. (*Примеч. пер.*)

² Немецкий трудовой фронт – общенациональная организация, созданная в 1933 г. и заменившая профсоюзы. Председателем его был заведующий организационным отделом НСДАП Роберт Лей. Фронт занял все помещения профсоюзов и конфисковал не только имущество, но и членские взносы. В 1938 г. насчитывал 23 миллиона человек, в 1942 г. – 25 миллионов. Аппарат функционеров насчитывал более 40 тысяч человек, включая владельцев предприятий. На всех заводах, фабриках и в учреждениях были ликвидированы рабочие советы, отменены право на забастовки и заключение коллективных договоров

обязательным. Кроме того, появились всевозможные группировки и организации, охватывавшие частную жизнь граждан – от «гитлеровской молодежи»³ до «немецких матерей». Границы между общественной и личной деятельностью были устранены, как и разграничительная линия между политикой и остальным жизненным комплексом.

Государство стало тоталитарным, а нацистская партия, подобно пауку опутав страну паутиной, контролировала все без исключения стороны жизни нации. Все было подчинено требованиям политики. Политическая же жизнь страны понималась нацистами по-своему: все прочие политические партии и независимые организации были запрещены. Ведь они, будучи по своей сути либеральными структурами, разрывали нацию на части, противопоставляли одних людей другим и классы – классам. В противоположность этому при нацистах каждый отдельно взятый германец испытывал чувство сопричастности и принадлежности к обществу, которое

³ Гитлерюгенд – организация гитлеровской молодежи. В 1922 г. носила название «юнгштурм Адольфа Гитлера» и объединяла юношей 14–18 лет. В 1929 г. в нее был включен союз девушек, а в 1931 г. – юнгфольк (мальчики и девочки в возрасте 10–14 лет). После прихода нацистов к власти все молодежные организации были запрещены, а их имущество передано гитлерюгенду. В 1936 г. стала молодежной организацией военизированного типа, принадлежность к которой была обязательной (возраст от 10 до 18 лет). Возглавлял ее рейхсюгендфюрер Бальдур фон Ширах, а с 1940 г. – Артур Аксман, подчинявшиеся непосредственно Гитлеру. По достижении 18 лет молодежь проходила годичную рабочую повинность, а затем призывалась в армию. В 1938 г. численность организации достигла 7,7 миллиона человек.

выражало его внутренние устремления. Через год после прихода Гитлера к власти в партийной печати публикуется следующее:

«Концепция «политического деятеля» отражает буржуазный менталитет. Быть политиком – значит действовать в соответствии со стандартными требованиями, предъявляемыми к поведению личности. Поэтому политическая позиция должна быть не одной из многих, а основополагающей стороной жизнедеятельности человека».

В век индустриализации и классовых конфликтов человек должен быть един со своим народом, при этом его истинное «я» и чувство отчужденности трансформируются в чувство сопричастности.

Таковой была нацистская теория, хотя на практике многим людям удавалось оставаться в стороне от этой интеграции. Важное значение в период правления нацистов имело понятие «внутренняя эмиграция» – единственное оставшееся проявление частной жизни. В стране не было ни одной группировки, свободной от влияния партии и государства, к которой можно было бы присоединиться, ни одной организации, не связанной с «новой Германией». Точности ради все же следует упомянуть довольно важные институты, сохранившие хотя бы формальную независимость, – церковь, бюрократия, отдельные экономические организации и армия. Но и в них различными косвенными методами осуществлялся контроль партии и государства. Как показывают

некоторые документы, против церквей нацистам пришлось вести длительную и напряженную борьбу. Но и церкви не представляли собой единого фронта, поскольку многие видные католические и лютеранские прелаты активно сотрудничали с Третьим рейхом. Более того, церкви находились под определенным давлением собственных прихожан, стремившихся к «единению». К сожалению, приходится констатировать, что в 1933 году оппозиция нацизму проявлялась совсем незначительно и позже, сформировавшись, была малоэффективной в вопросах культурного развития национал-социалистической Германии.

На иностранные книги, периодику и газеты была введена жесткая цензура, внутренняя же литература и художественная деятельность строго контролировались. Вокруг страны и народа была возведена стена, для сооружения которой вполне хватало камней и строительного раствора. И внутри этой стены руки нацистской культуры были развязаны даже в вопросах отношения к человеческой жизни.

Нацисты взялись за дело сразу же после назначения Гитлера канцлером рейха. Мощная пропаганда, призывы и обращения, проведение частых массовых митингов лишали народ воли. Эти мероприятия сопровождалось сожжением книг во всех городах и населенных пунктах, навязыванием единообразия во взглядах на культурные и социальные потребности, демонстрацией псевдореволюционных зрелищ. К лету 1933 года люди стали уже уставать от массовых митин-

гов, речей и парадов, которые занимали все свободное время. (Этот процесс рассматривается более подробно в 11-м разделе книги, где идет речь о захвате нацистами власти.) Нацисты в то время развернули бурную деятельность, чтобы сломить индифферентность масс и выиграть борьбу за их отношение к вопросам культуры. К концу этого периода уже немногие люди (в особенности из числа молодежи) придерживались прежних взглядов.

В книге подробно проиллюстрирован характер нацистской культуры, внедрявшейся в народные массы. Культура эта не несла никакого прогресса и развития, «истина» воспринималась как нечто «данное», и все было пропитано расизмом и духом арийства. Вместе с тем не следует думать, что это было навязано большинству правящим меньшинством, – напротив, нацистская культура вызревала в течение десятков лет, когда находившийся в оппозиции ко всему современному немецкий менталитет утверждал собственную точку зрения на искусство, литературу и расовые проблемы. Более того, нацистская культура взывала к народным вкусам, о чем мы еще поговорим поподробнее. Нацистская оппозиция к новым веяниям в искусстве и литературе встречала массовую поддержку. Таким образом, эта культура была статичной, поэтому нет никакого смысла рассматривать ее по отдельным датам или пытаться показывать в развитии, которого в действительности не было. То, что происходило в период с 1933-го по 1939 год, было, по сути дела, принужде-

нием и не имело никакого отношения к истинной культуре.

Представленные документы вместе с тем объясняют, почему так много людей приняли и помогли становлению и укреплению нацистского правления, ведь основу этого «добропорядочного общества» составляли эмоции и унифицированная идеология. Адольф Гитлер постоянно подчеркивал значение идеологического фактора и мировоззрения, придавая им исключительную важность. Основу новой Германии должны были составить «новые люди» – продукт «правильного» мировоззрения. Мировоззрение или идеология (термины эти взаимозаменяемы) были реальным инструментом реформ. Используя особенности человеческой природы, идеология проникала во все аспекты бытия. Мировоззрение, как считалось, проистекало из глубины человеческой души, поэтому и должно было выражаться не материально, а духовно. Один из лидеров румынских фашистов, Хория Сима, в своей книге «Сущность национализма» сказал: «История – лишь следствие высочайшего проявления духа».

Вот почему Гитлер придавал столь большое значение артистизму и выразительности. Его выступление в Доме германского искусства в 1937 году хорошо иллюстрирует это. Лейтмотивом его речи прозвучала идея о том, что «новый человек» должен стать средоточием культуры, созидательной личностью, утверждающей «германизм». Идея эта была краеугольным камнем немецкого национализма и отражала крах личности в безличностном обществе.

Приводимые нами документы показывают, как формировался этот «новый человек» начиная с раннего детства. Гитлер действительно верил в мировоззрение расизма, народности и духовности, четко представлял, каким образом донести его до людей. Он подчеркивал: «Любое мировоззрение, будь оно правильным и тысячу раз доказавшим свою пригодность, не будет иметь никакого значения для жизни народа, пока его основные догмы не будут написаны на знаменах воинствующего движения».

Такое движение должно быть не только высокоорганизованным, чтобы обрести силу в народе, но и обязательно основываться на мировоззрении. Поэтому исключительно большое значение придавалось пропаганде, хотя само слово «пропаганда» и не произносилось. Гитлер никогда не считал, что идеи национал-социализма можно рекламировать, как зубную пасту или сигареты, для этого требовались более тонкие методы.

Джордж Сорель, которому фашизм многим обязан, писал в начале века, что все большие движения сопряжены с мифами. Миф внушает людям уверенность в своей правоте, почему его последователи считают себя армией, ведущей борьбу за правое дело против армии зла. За несколько лет до этого, в 1895 году, французский психолог Густав Ле Бон заявил о «консерватизме толпы». И это его определение как бы приклеилось ко всем традиционным идеям. Основные положения национализма Гитлер взял из германских традиций

прежних времен, создав на их основе целое вероучение. Из высказываний же Ле Бона он уяснил, что для установления контроля над толпой необходима «магическая сила». Поэтому он писал в «Майн кампф» о «магическом влиянии» на массы, которое стало своеобразной мессой нацистского движения и самой настоящей массовой религией.

Нет никакой необходимости задаваться вопросом, прочитал ли Гитлер труды Сореля и Ле Бона, в которых затрагивались проблемы массового общества, появившегося в результате промышленной революции. Ле Бон назвал это явление «эрой толпы». В своей книге «Толпа» (изданной в Лондоне в 1922 году) он высказал мысль, которую через несколько лет подхватил Гитлер, и затем фаталистически ее придерживался: «Мы видим, что исчезновение здоровых личностей, преобладание несознательных элементов, направление чувств и идей в определенное русло под воздействием средств внушения, тенденция к немедленному превращению провозглашенных идей в действия являются основными и принципиальными характеристиками индивидуумов, формирующих толпу».

Определение иррационального поведения масс было четко сформулировано уже к концу XIX века, а характер действий толпы во время беспорядков, связанных с делом Дрейфуса во Франции, и первой антисемитской волны в Германии привел к зарождению теорий. В мире, созданном под воздействием индустриализации, личность была отчуждена

не только от общества, но и от собственного природного разума. Проблема эта приняла всеобщий характер, а Сорель и Ле Бон разглядели в этой дикой иррациональности определенные закономерности, которые могли быть направлены лидером в позитивное, конструктивное русло.

Индустриализация, как им казалось, разрушила традиционные связи и взаимоотношения людей, разбудив иррациональное начало в человеческой природе. Другие же мыслители, такие, как Карл Маркс и Фридрих Энгельс, признавая «отчуждение» человека от общества, продолжали верить в его рациональность. Что же касалось Гитлера, то он разделял точку зрения Сореля и Ле Бона, что и позволило ему прийти к власти в стране, где народ страдал от последствий поражения в войне и кризиса. Использование иррациональных предрассудков и склонностей помогло ему внедрить в сознание народа так называемое германское мировоззрение и тем самым положить конец отчуждению человека от современного общества.

Гитлер, в частности, считал, что массовые митинги совершенно необходимы, так как они позволяют человеку выйти «из его мастерской или цеха», где он чувствует себя совсем маленьким и одиноким, и стать частью массы, состоящей из «тысяч и тысяч людей, исповедующих те же убеждения». В результате он подвергается воздействию этой массы. Но хотя фюрер и ликвидировал отчужденность, иррациональность человеческой природы оставалась основой его соб-

ственного мировоззрения. Эти сборища представляли собой настоящие литургические обряды, при проведении которых большое внимание обращалось на детали и цели. Мы воспроизвели в этой книге порядок проведения двух таких фестивалей: один из них часто устраивали в школах, а другой был приурочен к летнему солнцестоянию.

Проведение массовых митингов стало одним из наиболее значимых технических приемов нацистского движения, в особенности в годы прихода их к власти, когда сборища проводились чуть ли не ежедневно в различных регионах рейха. Однако сами по себе они бы дали немного, массовое воздействие на людей осуществлялось в самых различных областях культуры – в литературе, живописи и скульптуре, театре, кинофильмах и образовании. «Тотальная культура» должна была вдохнуть в людей националистические предрассудки, преодолеть их чувство изоляции и направить их творческую энергию в необходимое русло стремительного потока борьбы за власть. Вот почему в документах по нацистской культуре обнаруживается удивительное единство стиля – ведь все они преследовали одни и те же цели.

Частью этого стиля была «динамика» – настрой на необходимость борьбы со злом. Как бы то ни было, речь идет о своеобразной революции, поэтому книга начинается с документов, которые показывают, что же это была за революция, так сказать, какого сорта. Прежде всего, она была связана с насилием: взять хотя бы самые настоящие сражения, кото-

рые вела СА⁴. «Массы не понимают рукопожатий», – любил повторять Гитлер. Важное значение придавалось и «традиционным узам» человека: народ, семья, мораль. В столкновениях с революционным порывом победа оставалась за этими узами. В своем выступлении перед штурмовиками Ханс Андерлан обращал особое внимание на это обстоятельство. Отношение нацистов к женщине и семье носило удивительно консервативный характер, даже тогда, когда они пытались выстраивать его на расовой основе.

Причина этого вполне ясна: идеология нацистской революции исходила из германских традиций. В случаях, когда речь шла о будущем, в ход пускалось мифическое прошлое. С прошлыми традициями многие люди действительно связывали надежду на преодоление воцарившегося хаоса. Национализм пытался увязать современность с моральной атрибутикой народа в прошлом. Однако это была не та мораль, которой придерживались древние германцы, обретаясь в лесах, ничего общего она не имела и с моралью современных крестьян, обрабатывавших землю. Тем не менее нацистская идеология всячески поддерживала эту версию, о которой говорила и Иозефа Беренс-Тотеноль в своих трудах. В

⁴ СА (по начальным буквам «штурмбтайлунген» – в немецком написании в начале слова «с») – штурмовые отряды; военизированная организация, имевшая армейскую структуру от отделений до полков. Штурмовые отряды начали формироваться в 1921 г. с целью противодействия социал-демократам и коммунистам. К концу 1933 г. насчитывали около 2 миллионов человек. Нюрнбергским международным трибуналом СА признана преступной организацией.

действительности же мораль, которую национал-социализм представлял как типично германскую, являла собой буржуазную мораль XIX века, основанную на святости семьи, брака и предписанного скромного образа жизни. Скромность была, однако, предписана народу, но не тем, кто делал деньги, в связи с чем буржуазия была заклеяна, получив название «жидовской». Наиболее характерно выступление Ханса Наумана, профессора литературы Берлинского университета, по поводу сожжения книг в 1933 году. Он начал свое выступление с того, что подчеркнул необходимость подобной акции: настало время действовать против антигерманского духа, и если слишком много книг, а может быть, даже и слишком мало предано огню, так что из этого? Закончил же он утверждением, что только такие акции способны вновь сделать священными семейные узы, родную землю и кровь. Как мы видим, в нацистском движении доминирует смешение «героических» деяний и традиционализма.

Происходившие события Гитлер назвал «величайшей расовой революцией в мировой истории, революцией духа». По сути же дела это была культурная революция, поскольку не предусматривала никаких экономических преобразований. Фюрер взывал к старым пристрастиям и предрассудкам, не угрожая существующей экономической системе. И обращался он в основном к квалифицированным рабочим, так называемым белым воротничкам, и к мелким предпринимателям, о чем четко говорится в представленных в этой

книге документах. Это была их революция, так как нацистская идеология давала им и новый статус, устранявший изоляцию от индустриального общества, и цель в жизни. Но она не угрожала их законным интересам имущественного и иного порядка. Усиливая буржуазное почитание семьи и жизненных благ, она в то же время разрушала «старые добрые ценности», с которых современность срывала покров традиций. В таком подходе нет, однако, ничего странного, поскольку он представлен голлизмом во Франции и консерватизмом в Соединенных Штатах.

Нацистская революция была связана с определенным мировоззрением, которого придерживался Гитлер и которое присуще в большей степени центральноевропейцам, нежели западноевропейцам. Расизм обеспечивал базу национал-социализма, что ясно видно из высказываний трех ведущих теоретиков нацизма – Ханса Гюнтера, Людвига Фердинанда Клауса и Альфреда Розенберга. Первые два были университетскими преподавателями. Идеи их, высокоабстрактные, были затем конкретизированы нацистским руководством: весьма поверхностная расистская форма перекавалифицирована в «расистский дух». Из этих же идей были взяты стереотипы – арийцы и их враги евреи. Идеология трансформировалась в «движение борьбы», в результате чего абстракция была конкретизирована и превратилась в средство целенаправленного воздействия на массы. Некоторые другие положения расистской теории были использованы при разра-

ботке новых положений в биологии (важность появления расистского мышления) и руководства для студентов высшей школы по распознаванию в людях расистского духа.

Расизм требовал героев, так как ни одна революция не обходится без примеров героизма. Нацистский герой соответствовал гитлеровскому мировоззрению и был наделен огромной силой воли. Именно воля делала человека героем; предполагалось, что сильное желание можно было превратить в реальность. В этом явно прослеживается германская интерпретация философии Ницше, идеи которого были широко распространены среди интеллигенции в начале века. Властные устремления Ницше были реализованы Гитлером в добропорядочном обществе. Альфред Баумлер, наиболее известный философ Третьего рейха, широко использовал идеи Ницше. Силу индивидуума он увязывал с войной, при которой эта сила оказывалась просто необходимой. В связи с этим представляется типичным возвышение Эрнста Рема из простого офицера: ведь лидер СА был активным участником Первой мировой войны, а затем и действий фрайкоров⁵. Рём воплощает ностальгию нацистов по войне.

⁵ Фрайкоры – добровольческие корпуса, полувоенные формирования, которые создавались сразу же после поражения Германии в Первой мировой войне в целях борьбы с «изменниками отечества» – социал-демократами, марксистами и евреями и возрождения «германского духа». Пополнялись они за счет фронтовых офицеров и солдат, а также безработной молодежи и различных авантюристов. Первый из них был сформирован бывшим капитаном Куртом фон Шляйхером. Подразделения фрайкоров образовали ядро рейхсвера, из них же создавались и отряды штурмовиков.

Сам Адольф Гитлер славил армию, в которой ему пришлось служить и в которой он получил звание ефрейтора, – хорошего воспитателя, приучающего людей к решительности и вырабатывающего у них смелость и ответственность. Армия, утверждал он, является антиподом фондовой биржи.

Нацисты придавали большое значение активности действий, назвав свою партию «движением». В сочетании с иррациональным обоснованием их мировоззрения это составляло оппозицию интеллектуализму. По этому поводу Гитлер в 1938 году сказал:

«Ныне нам наносит вред избыток образования. Высоко ценятся только истинные знания. Врагом же действий является самодовольный дурак. Поэтому нам требуются инстинкт и воля».

Под «инстинктом» подразумевались любовь народа и расизм, исходившие будто бы из души и эмпирических порывов. «Воля» же побуждала необходимость преобразования этой любви в реальность. В связи с этим героями нацистов были не академики, не образованные люди, а личности, сумевшие проявить силу воли и задействовать свой здоровый инстинкт в борьбе за правое дело. Поэтому Йозеф Геббельс обратился к собирательному образу немецкого обывателя Михеля, сделав из него героя. Михель отразил интеграцию личности в единое народное целое.

К современным героям, к которым относился Фриц Тодт, строитель автострад, были добавлены герои прошлого. При

этом Фридрих Великий, король Пруссии, был представлен исключительно как военный деятель, без упоминания о его дружбе с Вольтером. Прусский монарх был отмежеван от просвещения, стоявшего на позициях столь ненавистного нацистам рационализма.

Особое место в галерее нацистских героев занимал Лео Шлагетер. Один из ранних нацистов, он пал в борьбе с французскими оккупантами в 1923 году и был затем приобщен к лику героев, символизируя «нового человека», объект подражания для молодого поколения. Наиболее известный драматург Третьего рейха Ханс Йост написал о нем пьесу.

О других компонентах мифа мы уже упоминали. Церемония поднятия флага школьными ребятами наглядно показывает его воплощение: сценарий действия, постоянные репетиции, литургический смысл. Описание фестиваля, посвященного летнему солнцестоянию, дает представление об эффекте его воздействия на восприимчивую молодежь. Проводился фестиваль не столь формально, как церемония поднятия флага, более непринужденно и эмоционально.

Культура занимала в нацистской схеме действий центральное место, и задачи ее были определены четко: поддержка и распространение мировоззрения, в духе которого совершалась их революция. Оно должно было проникать в умы аудитории, что прослеживается в приведенных ниже документах. Интеллектуализм осуждался, и, поскольку народ был един, культура тоже не должна была отрываться от его

корней. Это-то и имел Гитлер в виду, говоря, что «быть германцем означает обязательное наличие ясности»: в 25 пунктах партийной платформы им была изложена вся нацистская идеология.

При всем этом не следует упускать из виду цели, которым служила культура: уяснение мировоззрения, его распространение и создание условий для его восторженного восприятия. Еще раз подчеркиваем, что она создавалась с учетом популярных вкусов и склонностей людей и бытовавших предрассудков. Народные массы (и не только в Германии) не любят «проблемного искусства», не увлекаются картинами экспрессионистов и не понимают творческих исканий представителей такого рода искусства. Примерно то же самое можно сказать и о литературе и других аспектах культуры. Большинству людей нравятся простые и понятные картины, а в романах и новеллах их привлекают фабула и сентименты. Необходимо отметить, что массовые вкусы XIX столетия мало чем отличались от вкусов XX, в том числе и в различных странах: стоит вспомнить «шиллинговые бульварные романы» в Англии или малеровские романы в Германии (так же сентиментально и почти без изменения стиля за период с 1864-го по 1950-е годы было написано более двухсот наименований, разошедшихся в 27 миллионах экземпляров). В Германии популярные в массах вкусы были искусно использованы при формулировании нацистского мировоззрения под предлогом «органичного» единения на-

рода. Геббельсовская «дезинфекция искусства» преподносилась как следование «здоровым инстинктам народа». Вот этот-то консервативный инстинкт (впрочем, таков он и сегодня) был ловко использован в целях нацистской идеологии.

Так была использована историческая связь с прошлым (по Сорелю – важная составляющая часть мифа), причем упор делался на достоинства доиндустриального общества. Типичной в этом плане была грандиозная выставка германского искусства 1937 года, на которой главенствующую роль играли деревенские и семейные мотивы. Рабочему, потерявшему свои корни, противопоставлялся крестьянин, сидевший на земле и укорененный в ней, который представлялся прототипом «нового человека». Этот имидж широко популяризировался в печати. В Третьем рейхе довольно быстро разошлись более четверти миллиона экземпляров книги Йозефы Беренс-Тотеноль «Фемхоф» (о крестьянском подворье), в которой изображался идеализированный крестьянин и его образ мыслей. И нужно сказать, что этот сентиментальный роман пользовался популярностью. Другой тип нацистских романов являла собой книга Тюделя Веллера «Рабаукен» («Дебоширы»), пропитанная расизмом и крикливостью.

Театр, радио, кино также, как говорится, ввязались в драку. Типичные театральные постановки периода становления нацистского режима и перечень названий кинофильмов дополняют общую картину. Очень большое значение придава-

лось радио, поскольку Гитлер весьма рассчитывал на эффективность произнесенных слов. А на митингах и фестивалях, то есть в нацистской мессе, центральную роль играли речи. Радио же несло слово в массы. На рынок поставлялись дешевые радиоприемники, а на улицах были вывешены громкоговорители.

Организовать весь этот поток воздействия на общественное мнение было, однако, не так-то просто. Ведь сентиментальность, столь любезная публике, работала против норм морали, проповедовавшейся нацистами. Обращаясь к вопросу семьи и семейных уз, национал-социалистам приходилось умерять социальный и сексуальный аспекты в угоду народу. Романтизация, включенная в идеологию, могла вести к толкованию любви в нужном им духе, к несдержанности в плотских радостях, превращаясь в социальную реальность. Популярная сентиментальность проникала даже в запрещенные области жизни, так что правящий класс стал постепенно отдаляться от установленных им же моральных требований. Сам Гитлер состоял в интимных отношениях с Евой Браун, но это, естественно, не афишировалось.

Этот иррационализм дисгармонирует с сущностью естественных наук. Как бы то ни было, в XIX веке, когда наука стала все более специализироваться, она отошла от концепции целостного взгляда на мир. Эра Ньютона давно уже прошла, и современный ученый исходит из своей специализации и определенных критериев. Поэтому лабораторный ра-

ционализм стал объединяться с иррационализмом «научного мировоззрения». И нацистская наука делает шаг в этом направлении. Сильная и доминирующая идеология проникла в лабораторию. Разрыв между наукой и остальным миром был преодолен в пользу не научного метода, а иррациональной идеологии. Взять хотя бы Иоханнеса Штарка и Филиппа Ленарда, лауреатов Нобелевской премии, сумевших использовать нацистскую идеологию в своей науке. Как это произошло, видно из документов. Главная их идея заключалась в попытке создания органического единства науки и нацистского мировоззрения, ведь и народ должен был стать органически единым. Отчуждению здесь должен был быть положен конец, как и во всем остальном.

Неудивительно, что астроном Бруно Тюринг возвратился к старым традициям Ньютона и Кеплера, которые подчеркивали наличие мирной гармонии в целом мире, чтобы продемонстрировать ошибочность теории относительности Эйнштейна. В его трудах верх взяли идеологические соображения: в качестве доказательств Тюринг использовал не научные, а расистские аргументы. Последствия такой интерпретации «нацистской науки» не замедлили сказаться. В докладной записке «Современное положение в физике» на имя Альфреда Розенберга гауляйтер Йозеф Вагнер раскритиковал Тюринга в 1944 году, в частности, за дискредитацию «новой физики», отрицательно сказавшуюся на военных успехах. Не упоминая Эйнштейна, Вагнер подчеркивал необхо-

димось осуществления научных разработок в области теоретической физики в интересах военного дела.

Медицина следовала по стопам других наук. Лечению подвергался весь человек, включая душу. Решающим элементом и здесь выступала идеология. Ханс Шемм, первый нацистский министр культуры в Баварии, отмечал в связи с этим: «Мы не объекты, мы – германцы».

В таком же духе выступали Курт Гаугер, а также директор университетской клиники в Киле, известный психиатр Юнг. Юнг возглавил общество психотерапевтов Германии после прихода Гитлера к власти, проповедуя «развитые формы» и «созидательное начало» арийцев в противовес евреям.

Национал-социализм превратился в религию. Идеология, месса, элементы надежды на лучшее придавали движению характер новой веры. Показательно, что Геббельс во многих своих выступлениях использовал религиозную терминологию. Более того, нацизм стал тотальным мировоззрением, исключавшим все другие. Поэтому традиционное христианство превратилось в соперника, а не друга. Гитлер выступал против него – на первых порах очень осторожно, желая все же заручиться поддержкой христианских церквей (что ему в общем-то удалось). Поскольку, как мы уяснили, он обращался к буржуазии, ему трудно было поддерживать семейные узы и традиционную мораль при одновременном исключении религии. Но он считал, что со временем его мировоззрение ослабит, а впоследствии позволит вообще устраи-

нить христианство из общественного мнения страны. Языческие обряды уже перестали быть исключением, но еще предпринимались попытки проведения нацистских церемоний по протестантским канонам. (Основные усилия были направлены на соединение Христа с народом.) Целью же нацистского руководства было поглощение религии идеологией, подобно науке. И «германские христиане» этому постепенно подчинились. Хотя большинство населения поддерживало существующие церкви, нацисты исходили из приоритета в будущем евангелической религии.

Подобранные нами документы показывают, каким образом нацисты действовали против традиционного христианства и воздействовали на жизнь людей. Действия эти были более завуалированными и осторожными, чем в других областях культуры. О реакции церквей в связи с этим написано немало. Следует, однако, сразу же сказать, что она была медлительной и успешной лишь отчасти. Наиболее решительно выступал мюнхенский епископ Фаульхабер, который прочитал целую серию поистине сенсационных проповедей. Необходимо учитывать атмосферу, царившую в Третьем рейхе уже в начале 1933 года. Фаульхабер не только защищал Ветхий Завет, но и резко критиковал начавшиеся гонения против евреев, показывая разницу между ними во времена жизни Христа и позднее. В теологическом плане проповеди были превосходно аргументированы, но вряд ли можно отнести их к разряду сопротивления, за исключением разве что мо-

мента, когда нацисты повели тотальное наступление во всех областях культуры. В целом же церкви не проявляли большого желания четко продемонстрировать свою антинацистскую позицию.

Фаульхабер, подобно большинству церковных лидеров, был консерватором старого толка. Да и нацисты не считали, что люди преклонного возраста смогут когда-либо принять их мировоззрение, даже не будучи убежденными христианами. Их движение проводило большое различие между поколениями, настраивая молодых против стариков. Но и ко всему народу их подход был неодинаков. Когда Гитлер выступал против буржуазии, он яростно нападал на представителей старого поколения, выросшего во времена империи. Такое отношение отражено в пьесе Ханса Йоста, посвященной Шлагетеру. Сын главного персонажа Август горячо поддерживает нацистского героя и его полную приключений борьбу за отечество. Его же отец Шнайдер рекомендует осторожность. Разглагольствуя о социальных классах, он стремится лишь к тому, чтобы делать деньги. Сын настроен «не зарабатывать, а служить». Старик называет его поведение «юношеским романтизмом», тогда как этот романтизм символизирует стремление сына «принадлежать» своему народу.

Такая сила, присущая молодежи во всех революциях, и была использована национал-социализмом с самого начала. «Новые люди» геройского типа служили молодежи образцами для подражания, погибая в борьбе с такими врагами, как

Шлагетер, или выполняя ответственное задание, как Тодт. Да и нацистское руководство было молодым: Гитлер пришел к власти в сорок четыре года. Более того, нацисты понимали: если молодежь окажется в плену их мировоззрения, их будущее обеспечено. И снова мы находим пример, типичный для всех революций. Во всех странах фашизм становился фетишем молодежи. Какой контраст они составляли по сравнению с маститыми политиками, заседавшими в парламентах, или бюрократами, стоявшими у власти и управлявшими народами (и политическими партиями) в Европе. Нацисты извлекали политический капитал из неудовлетворенности молодежи, из ее стремления к бунту против родителей и школы. Даже в конце прошлого века большая часть буржуазной молодежи проявила желание отделиться от «респектабельного» общества, к которому принадлежала по рождению. Гитлер показал им путь, и многие молодые люди (но только не из числа безработных) устремились в ряды партии, привлеченные активностью нацистов, их приверженностью героическим поступкам и их четко обозначенными целями. Они могли критиковать «буржуазию», подразумевая собственных родителей и придерживаясь в то же время глубоко укоренившихся предрассудков. Многие из них вначале, ослепленные идеалами движения и возможностями приключений, не осознавали, что было правильно и что неправильно в стоявших перед ними задачах. Выдержка из мемуаров Инги Шолль отчетливо показывает это. Так, ее собственный

брат, утратив первоначальный энтузиазм и потеряв прежние иллюзии (что все же не характерно для большинства молодежи), вступил в ряды антинацистского сопротивления, что привело его к смерти.

Доказательства ориентации нацизма на молодежь обнаруживаются повсеместно, так как в молодежи нацисты усматривали ключ к успеху своего движения. Поэтому мы и посвятили молодежи большой раздел книги. Решающую роль при этом играли образование и воспитание, ибо, если идеология внедрялась через образовательные учреждения, основная битва за умы была выиграна. А это нацисты понимали очень хорошо. Свидетельство Пауля Эстрайха, прогрессивного антинацистского воспитателя молодежи, дает дополнительные доказательства этого.

Энтузиазм молодежи тщательно направлялся и широко использовался, что демонстрируют приводимые нами выдержки из школьных книг для чтения, книжек для мальчишек и материалов для высшей школы. Некоторые из тем неоднократно повторяются. Так, например, рассказ об «отважном полете» Отто Дитриха взят из учебника для младших классов. Тема эта обнаруживается и в целом ряде других учебных пособий. Описывая этот полет в условиях разыгравшегося шторма, пресс-секретарь Гитлера преследовал цель, не требующую пояснений. В рассказе широко используются символы солнца и огня, применявшиеся в нацистской идеологии. Миф о солнце использовался и Бальду-

ром фон Ширахом в его выступлениях перед студентами. Об идеологической направленности школьного обучения свидетельствует также список тем сочинений, которые школьники писали в конце каждого учебного года.

В книге приведены отрывки материалов для чтения, поскольку они хорошо иллюстрируют нацистскую теорию. Это, в частности, порядок изучения новой биологии и руководство для студентов по расовым проблемам. Поскольку расизм занимал центральное положение в нацистском мировоззрении, ему придавалось большое значение и в ходе обучения. Поэтому, естественно, требовались и соответствующие примеры и тексты для обоснования идеологии.

Воспитание было не только делом школы. Гитлер придавал значение не только организации в целом, но и регламентации свободного времени в частности. Членство в гитлерюгенде было обязательным. А как там все было заорганизовано, видно лучше всего из высказываний ее лидера Бальдура фон Шираха. Как же следовало поступать, если такая экстраординарная деятельность вступала в конфликт с семьей и школой? Ширах пытался избегать таких коллизий, но в конечном счете идеология брала верх над остальными соображениями. Главной задачей гитлеровской молодежи было укрепление нацистского мировоззрения. Совсем нетрудно догадаться, что превалировало в случаях, когда семья и школа не вписывались в понятие «органичного единства народа».

Высшая школа продолжала насаждение тотальной культуры не только через курсы обучения расовой теории и народности. Как студенты, так и профессора были интегрированы в нацистскую концепцию германского народа. Даже на университетском уровне студенты должны были принимать участие в так называемой трудовой практике. Подобно геббельсовскому Михелю, они не имели права отказываться от такого дополнения к учебному плану и выполняли физическую работу наравне со всеми. Критерий приема студентов в Берлинский университет, да и во все другие университеты, тоже показывает, кому отдавалось предпочтение при поступлении. Студенческая организация в самом университете была, по сути дела, партийной структурой. Ее лидер, Герхард Крюгер, обычно употреблял слово «социализм», подразумевая служение народу, требовавшееся от студентов. А направлено это было на то, чтобы студенты не считали себя элитой нации. Партийное руководство не допускало еще одной элиты.

Национальное единство было основным требованием, предъявляемым к профессорам, которые должны были обеспечить не только единение высшей школы с народом, но и органичную связь нацистского мировоззрения с различными академическими дисциплинами. В этом состояла квинт-эссенция выступления лидера ассоциации университетских профессоров, в котором он дал определение академической свободы как выполнение задачи по осуществлению указан-

ного единения.

В попытках создания нового типа естественной науки органический идеал всегда ставился во главу угла. Интеллигенция должна была отказаться от иллюзий своего особого статуса, а рабочие – от концепции классовой борьбы. Партия окружала народ заботой, определявшей всю его жизнь, однако при этом не предполагалось, что закон должен исходить из вечных ценностей. Концепция закона, отражавшего систему ценностей нацистского мировоззрения, преподносилась как либеральная, но на деле служила лишь определенной части нации. Карл Шмитт, один из признанных юристов Третьего рейха, пытался придать ей конституционное толкование. Дескать, поскольку новое государство обладает всей полнотой власти, его лидер может определять законы, служащие интересам народа.

Принцип фюрерства был основополагающим и для правительства, и для организационной структуры нацистской партии, распространяясь на всю нацию: общественная жизнь страны строилась вокруг центра, представленного лидером и его окружением. Деление на общественную и частную жизнь не допускалось. Третий рейх стремился создать собственную иерархию, что послужило бы толчком для установления строгой регламентации жизни людей в индустриальном обществе.

Однако эта иерархия не была традиционной, состоявшей из аристократии, буржуазии и рабочего класса. Наци-

сты ненавидели аристократию, а буржуазию считали прогнившей. Независимо от происхождения, лидерство должно было принадлежать сильной и волевой личности, способной верно служить народному государству. По мнению Гитлера, прогресс человечества зависел не от активности большинства, а от деятельности отдельной конкретной личности, от ее гениальности и воли. «Новые люди» как раз и были такими лидерами, имеющими право на руководство государством, поскольку именно они привели партию к победе. Гитлер считал, что управление государством должно осуществляться иерархией вождей: начиная от местных и вплоть до него, фюрера всего народа. В действительности же Третий рейх представлял собой сеть соперничавших друг с другом лидеров, каждый из которых имел собственных приспешников и покровителей. Такое их соперничество вполне устраивало Гитлера, так как в результате он имел возможность контролировать всю структуру.

Отказ от учета мнения большинства означал, что каждый из лидеров назначался вышестоящим в иерархии вождем, а на ответственные должности – высшим лицом, то есть самим фюрером. Правление такого типа оказывалось наднародным, так как люди не имели ни возможности, ни права определять и контролировать действия лидеров. Шмитт же подчеркивал равенство между лидерами и народом, утверждая, что нацистская система правления была якобы не диктатурой сверху, а исходила из демократических принципов

правления.

Мировоззрение играло ключевую роль и в понимании демократии. Фюрер и народ равноправны, утверждали нацисты, поскольку являются представителями одной и той же расы и носителями той же крови. Идентична и их человеческая натура. Поэтому и цели их должны быть идентичными, так как призваны служить интересам германского государства. Лидер и ведомые являются частью одного органичного народа. Что выделяет лидера из массы, так это его способность внедрить в сознание людей мысль о всенародном единстве и организовать выполнение поставленных задач. К тому же он обладает всеми ранее упомянутыми атрибутами героев.

Ни одна независимая группировка не может существовать вне указанной структуры, говорил Гитлер, и никто не должен считать себя выше других людей. Даже лидеры не имеют права считать себя выше остальных, занимаясь исключительно служебными вопросами и возлагая на себя бремя ответственности. Это объясняет его отношение к интеллигенции, которая, обладая определенными знаниями, могла бы чувствовать себя выше остальных, а это неминуемо привело бы к образованию трудно контролируемой сепаратной группы. (В связи с образованием и воспитанием мы уже говорили о возможных попытках профессоров и студентов отделиться от «трудящихся слоев народа».) В новой Германии должны были быть только назначенные лидеры, а также массы, свя-

занные воедино расой, народностью и внутренней убежденностью каждого.

Вильгельм Штуккарт и Ханс Глобке, давая официальный комментарий по закону о гражданстве, внесли ясность в трактовку нацистской концепции правительства. Они вновь и вновь повторяли, что личность может рассматривать себя только в качестве члена сообщества, германское же сообщество едино по крови и расе. Поэтому гражданство в рейхе зиждется не на территориальной, а на арийской основе. Роланд Фрайслер, ставший позднее председателем печально известного «народного суда», сделал из этих взглядов на закон логическое заключение о гражданстве, призвав к отказу от официальной «внепартийное™». Вместе с тем он высказал надежду, что бюрократический формализм, а равно и законность (особенно широко применяемая в Германии) будут устранены и возобладает новый дух. По его мнению, официальное лицо, соблюдающее принципы национал-социализма, должно быть новым человеком и исходить в своих действиях не из неких параграфов закона, а из конечных целей.

В предоставленных документах теория и практика перемешиваются. Но нельзя не отметить, что теория была внедрена в практику и это отразилось на жизни народа. Как же следовало поступать «маленькому человеку»? Рабочие не очень-то поддерживали нацистов в их стремлении прийти к власти, нацисты же идеализировали рабочих, которые, по их

мнению, наслаждались работой и выполняли ее качественно, в традициях средневековых ремесленников. Более того, они пропитывались необходимой идеологией, посещая вечерние курсы, организованные партией. Если кто-нибудь из них и был марксистом, подобно Мюллеру, то скоро понимал, что его дурачили: его арийская честность и воля восставали против марксистской тактики (от которой, как признавал Гитлер в своей «Майн кампф», он многому научился). Немецкий рабочий, как и Мюллер, был, в конце концов, соотечественником – членом народного сообщества.

В реальности все было совершенно иначе: нацистам было необходимо запретить забастовки. Документы показывают, как им удавалось терроризировать рабочих, используя их положение и заработную плату.

Если рабочие не оказывали нацистам широкой поддержки, то это делала мелкая буржуазия. Ее положение в Третьем рейхе показано в таблице налогообложения и расходов на жизнь, а также в перечне мероприятий, направленных на сокращение числа независимых предприятий. В отличие от крестьян «торговцы» всегда пользовались плохой репутацией, являясь символом ненавистной современности: идеология поддерживала экономическую политику. Но хотя мелкая буржуазия и была недовольна складывающимся положением вещей, она этого открыто не показывала, за исключением отдельных случаев. Казалось, она не принимает никакого участия даже в небольших группах сопротивления, суще-

ствовавших в то время. Скорее всего, идеология довлекла над ней до конца.

Присвоение нацистами власти весной 1933 года и их влияние на народ глубоко не проанализированы. Для этого необходимо сначала понять суть нацистской революции. Из документов следует, что она осуществлялась не очень быстро, завуалированно, а порою даже комично. Не было никаких боевых схваток и штурма баррикад. Мужчины и женщины попали в руки руководства нового рейха, подобно спелому плоду с дерева. Отчет о переходе власти к нацистам в городском совете Кельна свидетельствует, насколько просто это свершилось. А ведь дело происходило в католической Рейнской области, в городе, бургомистром которого в течение шестнадцати лет до этого был Конрад Аденауэр.

Карл Шмитт отмечал (в какой-то степени оправданно), что нацистская революция проходила организованно и дисциплинированно. Причина этого заключалась в большей степени в самих нацистах, чем в отсутствии эффективной оппозиции. Нацистская идеология успокоила озабоченность миллионов людей, положила конец их отчужденности и вселила надежду на лучшее будущее. Другие миллионы пассивно наблюдали за происходившим, не помышляя о сопротивлении. «Пусть у них будет шанс», – говорили многие. И Гитлер воспользовался этим шансом, выжав из него все, что можно.

Книга начинается с анализа характера нацистской революции и заканчивается приходом нацистов к власти. Вме-

сте с тем мы попытались осмыслить призывы Гитлера к действительному мировоззрению и показать, как это отражалось на жизни народа. При этом нам представляется почти упущенным один из важнейших аспектов Третьего рейха – усиление террора, сопровождаемого тотальным наступлением на культуру. Хотя многие документы, представленные в книге, отражают давление, оказывавшееся на население (в особенности в области религии), специфика террора должным образом не показана. Истинный характер террора следовало бы проанализировать, не ограничиваясь уже сказанным. Мимолетного взгляда на документы по этому вопросу, как говорится, из-за чужого плеча, явно недостаточно.

В книге уделено мало внимания и реальной жертве режима, против которой в конечном итоге и была направлена «духовная» революция, – евреям. Но было бы искусственным отделять «еврейский вопрос» от остальной идеологии и культурного натиска. Поэтому в каждом разделе книги приводятся нацистские антиеврейские выпады. Евреев называли либералами, которых надо было ликвидировать, марксистами, подлежащими уничтожению, – короче говоря, главными врагами расы, проникавшими повсюду. Буржуазный пиетет по отношению к семье, морали и традиционным узам их не касался: семьи могли быть разъединены, имущество конфисковано, а корни в Германии вырваны. Нацизм был, как говорится, до мозга костей пропитан еврейским вопросом.

Еврейская проблема была преподнесена населению как

составная часть «ренессанса нации». Это произвело определенное воздействие на массовое сознание и не было чем-то изолированным или обособленным. Еврейство было выступающей вершиной идеологического айсберга – вот в чем нацисты пытались убедить людей. Если для Гитлера еврей был «первопричиной», как отмечал в своей книге «Разговоры с Гитлером» Герман Раушнинг, то для обычного немца он был просто абстракцией. Вероятно, наблюдая за арестом евреев, он испытывал к ним симпатию, так же как и во время поджога синагоги 10 ноября 1938 года, но выступать против этого не собирался. Конечно, находились личности, которые пытались помочь евреям, но это было связано с личными опасностями и самопожертвованием и требовало героизма, столь редкого в истории. Оказание помощи «врагу» расы означало проявление истинного героизма, отличного от того, за который выступали нацисты. Ведь их герои были частью народа, который придавал им силу и обеспечивал прикрытие. Помогать же евреям вопреки «народной ярости» могли одиночки. Нас не должно поэтому удивлять, что очень незначительное число людей отважилось на это, и тем не менее таких случаев были тысячи. Однако в книге, посвященной воздействию Третьего рейха на немцев, выделение вопроса об отношении к евреям было бы неуместным.

Книга не претендует на полноту картины. Ее цель показать, что национал-социализм намеревался создать, как он выходил из кризиса, разразившегося после Первой мировой

войны, и как он воздействовал на немцев. Предлагающиеся вниманию читателей документы вместе с тем дают представление о том, каким образом нацисты создавали «массовое сознание» и манипулировали им. Гитлер и его приспешники не только сами верили в собственное мировоззрение, но и умело настраивали народ, чтобы и он разделял эту их веру. Не случайно министерство пропаганды и просвещения имело столь большое значение, а Гитлер находился в самых близких отношениях с Йозефом Геббельсом, опытным манипулятором массовым мнением.

Но все это не сыграло бы своей роли, если бы нацистское мировоззрение не включало в себя уже имевшиеся в народе пристрастия и предубеждения. Буржуазные идеи, укоренившиеся в умах людей в XIX столетии, были объединены с вездесущим национализмом и нашли свое отражение в идеологии, замешанной на расизме, крови и земле. Для тех миллионов людей, которые жаждали реставрации морали и семейного уклада, и для тех, кто хотел, чтобы Германия вновь заняла свое законное место среди народов, Гитлер приоткрывал надежду, хотя они и были не согласны со многими положениями его расовой теории. Многие говорили: «Он станет представительным и порядочным в государственном кабинете», закрывая глаза на его расизм, «в который не поверит ни один здравомыслящий человек!» – однако расизм и все, что он подразумевал, оказались не крайностью, а составной частью идеологии. Так что надежды тех, кто его не воспри-

нимал, оказались обманутыми. Их стали относить к «старому поколению», Гитлер называл их «буржуазией, с которой покончено», хотя умело использовал их моральные ценности и национализм на своем пути к власти. К тому же они входили в его мировоззрение. Мы уже отмечали постоянное взаимодействие между теорией и ее применением. Следует добавить, что имело место такое же взаимодействие между искренней верой и манипуляцией ею в целях превращения ее в национальную религию.

В книге не уделено практически никакого внимания такому явлению нацизма, как СС⁶. К слову говоря, свое основное значение она приобрела уже после 1939 года. Считая себя расовой элитой, эсэсовцы отбросили буржуазные ценности и националистические тенденции. Во время войны в ряды СС привлекались не только немцы рейха, но и арийцы из других стран. Буржуазная мораль и традиционные семейные узы не имели для них особого значения. СС рассматривала себя как

⁶ СС (по начальным буквам «шутцштаffelн» – в немецком написании в обоих словах – «с») – охранные отряды; привилегированная военизированная организация в нацистской Германии. Сформирована в 1923 г. с задачей охраны фюрера и фашистских сборищ. В нее отбирались фанатично преданные Гитлеру молодчики. Со временем организация стала главной опорой нацистского режима и орудием террора. Из нее были выделены подразделения «Мертвая голова» для охраны концлагерей и «войска СС» – отборные ударные соединения и части (в 1944 г. насчитывали 38 дивизий с 950 тысячами человек личного состава). По мере развития СС слилась с государственным аппаратом. В созданное в 1939 г. главное управление имперской безопасности были включены внешняя разведка, гестапо и уголовная полиция. Нюрнбергский международный трибунал признал СС преступной организацией.

новый рыцарский орден. И считались эсэсовцы только с расой и силой. Организация эта была, однако, уже поздней и не успела охватить всю жизнь страны, что, несомненно, произошло бы, если бы Германия выиграла войну.

Гитлеровское миропонимание ушло навсегда. Но многие основные положения, предубеждения и предрассудки, составлявшие его, остались с нами, ожидая актуализации и внедрения в современное массовое сознание. Вполне возможно, что по прошествии тридцати лет⁷ приводимые в книге документы покажутся читателю возмутительными, а некоторые даже комичными. Следует, однако, учитывать, что нацистский режим на определенном отрезке истории рассматривал упомянутые идеи на полном серьезе, а миллионы людей жили в описанных условиях. Нацизм был ликвидирован в результате мировой войны, а не внутренней революции, да и сопротивление ему стало расти, только когда стало ясно, что войну Германия проиграла. Отчасти это объясняется успехами Гитлера как во внешней, так и во внутренней политике. В годы, когда приводимые нами документы готовились и претворялись в жизнь, безработица была ликвидирована (в 1933 году число безработных достигало 6 миллионов человек), границы Германии расширены, а унижительный Версальский мирный договор аннулирован. Так что мировоззрение нацистов опиралось на значительные успехи.

Да и само гитлеровское мировоззрение являлось частью

⁷ Книга написана в 1966 г. (*Примеч. ред.*)

этих успехов. А то, что, как мы упоминали, его основные положения остались, наводит на размышления. Может быть, будучи искусственной и подчас комичной, эта идеология тем не менее способна на определенном историческом отрезке обрести силу морали и стать базовой для народной стихии. Революция духа для многих людей более заманчива, нежели та, что связана с социальными и экономическими изменениями, и может привести к хаосу, вместо того чтобы стать цементирующей основой. Нацизм высветил опасности, которые могут скрываться за фасадом консерватизма (а современный консерватизм очень уязвим в отношении экстремальных взглядов, хотя и отвергает их). Говорят, что история учит, поэтому истина, сокрытая в документах прошлого, должна послужить уроком для настоящего.

Раздел первый

Гитлер задает тон

Что говорил Адольф Гитлер о нацистской культуре? Его идеи широко представлены в документах, приведенных в этой книге, поскольку он сохранял лидерство на всех этапах деятельности Третьего рейха. Поэтому, прежде чем начать исследование, следует ознакомиться с основными его высказываниями. Гитлер писал и выступал много, и то, что он сказал по вопросам культуры, составило бы несколько томов. Поэтому данная небольшая подборка документов преследует цель выразить его собственными словами направленность его мыслей.

В первую группу вошли высказывания из книги «Майн кампф». У нас есть две причины обращаться только к опубликованным материалам. Чтение этой книги предписывалось в школах да и во многих организациях Третьего рейха. Это – во-первых. А во-вторых, в выступлениях нацистских лидеров, а также во многих статьях и книгах содержание «Майн кампф» передавалось и цитировалось с большой точностью. Гитлер не менял своего мировоззрения с того момента, как начал движение к власти, и нацистская культура постоянно отражалась в его идеологии. «Майн кампф» все равно имела бы успех, если бы и не читалась специально,

так как ее содержание распространялось в народе всеми возможными средствами.

Гитлер надиктовал книгу своему заместителю Рудольфу Гессу в период с июля по декабрь 1924 года, когда они находились в заключении в Ландсбергской тюрьме в Баварии после неудачного путча, проведенного нацистами 8 и 9 ноября 1923 года. Сначала Гитлер намеревался написать свою биографию, но затем решил объединить историю своей жизни с национал-социалистским мировоззрением и партийными вопросами. Для изменения его первоначального замысла была веская причина: книга, в которой он соединял свою личность с нацистской партией, должна была обеспечить ему лидерство в партии после освобождения из тюрьмы. Возгласам, весьма часто звучавшим в Третьем рейхе: «Гитлер – это Германия, а Германия – это Гитлер», предшествовал другой: «Гитлер – это партия». Хотя и прошло несколько лет, прежде чем он по выходе из Ландсберга восстановил и укрепил свое доминирующее положение, помощь ему, несомненно, оказала «Майн кампф». Как бы то ни было, книга преследовала не только политическую цель, она отражала его взгляды.

Эти взгляды исходили из примата мировоззрения, которое предопределяло судьбу человека. Сила идеи была решающим моментом, о чем Гитлер заявил в одном из своих выступлений, сославшись на опыт войны. Идеализм противостоит материализму, который он отождествлял с марксистским учением, «заразившим» буржуазию. Его собственное

мировоззрение было якобы чисто народным, основанным на фундаментальном расовом принципе. Расизм и является основой всей культуры. Поэтому государство в конечном итоге представляет собой только средство сохранения расы. Эта концепция через десять лет стала законом в Третьем рейхе. Расистские идеи объединялись с понятием аристократии. Гитлер подчеркивал роль великих личностей, которые делали историю, подводя и под них расистскую основу, поскольку, мол, личная этика базировалась только на этом жизненно важном факторе. Культура в связи с этим объявлялась исключительным достижением арийцев.

Поскольку культура является выражением идеала, материализм не может создавать культуру. Материализм овладел буржуазией из-за влияния марксизма и вмешательства евреев. Они-то и есть истинные враги германского мировоззрения, поэтому и обращение с ними должно быть жестоким. Евреи не могут создавать культуру, олицетворяя собой все дурное и зловещее, и тем самым провоцируют арийцев на борьбу против них.

Они признают только свою расу. Поэтому Гитлер, перефразируя слова Гёте, называл евреев силой, стремящейся ко злу.

Идейная революция может быть успешной только при поддержке массового движения. Пропаганда должна совершенствоваться ее при поддержке эффективной партийной структуры... В связи с этими высказываниями стоит иметь в

виду, что добрая половина книги «Майн кампф» посвящена как раз проблеме политической организации.

Исходя из того, что идеология становится силой, когда только овладевает массовым движением, Гитлер придавал большое значение концепции массы. Он понимал необходимость придания народу определенного статуса, но отводил второстепенное, техническое значение «раскрытию человеческих душ». Для масс характерны эмоции и чувства: они являются частью примитивной природы, отражая не рациональное творение Бога, а иррационализм людей и мира.

Гитлер придерживался романтических традиций. Поэтому через всю нацистскую культуру проводится параллель между человеком и природой. Массы арийцев в своих эмоциях столь же «подлинны», как и природа. Задача лидеров состоит в том, чтобы разбудить эти эмоции и поднять на поверхность веру в расу и кровь. Из этой предпосылки следует, что чувства людей просты, бесхитростны и фанатичны. Такова их природа в противовес искусственной материалистической цивилизации. Вследствие этого голос расы должен ими быть услышан.

Точка зрения масс, близкая к культуре, необходима для активизации борьбы. Гитлер сформулировал, а нацисты воплощали на практике мысль о том, что пропаганда, по сути, есть проникновение культурных ценностей в массы. Вытекающий отсюда антиинтеллектуализм красной нитью пройдет через всю эту книгу. Гитлеровские взгляды на характер обу-

чения и воспитания составили основу для обработки молодежи. Он призывал к общему, не специализированному обучению, имея в виду, что во главу угла должно быть поставлено изучение нацистского мировоззрения.

Уже обладая всей полнотой власти, Гитлер на открытии Первой выставки германского искусства в июле 1937 года обнародовал свою концепцию культуры. Выставка, расположенная в новом, специально выстроенном здании, должна была наглядно продемонстрировать основное направление нацистской культуры. При этом главенствующую роль играли пейзажи (40 процентов выставленных картин), крестьянские и семейные мотивы тоже были представлены в изобилии. Искусство должно быть ясным, подчеркнул Гитлер, а идиллические картины символизируют верность традициям, в духе которых действуют национал-социалисты. Выставка имела успех: цены проданных шедевров были невероятно высокими.

Арийству для ведения борьбы требовался противник. Эту задачу выполнили евреи, представив собой такого врага. Последовавшая через некоторое время выставка «дегенеративного искусства» стала наглядным уроком для народа, «не понимающего рукопожатий» (выражение Гитлера). Модернистские картины были вывешены с подписями типа: «Немецкие крестьяне глазами евреев», «Поношение германских героев мировой войны» или «Насмешки над германскими женщинами». Это был полнейший контраст изобра-

жению идеальных типов крестьян, героев и женщин, представленных на выставке германского искусства. Эти идеальные типы будут нам еще попадаться в рассматриваемых документах.

Вот в общих чертах характеристика культуры, данная Гитлером и воплощенная в Третьем рейхе в практику. Когда Гитлер говорил в Мюнхене о «революции мировоззрения», с ее начала прошло уже четыре с половиной года.

О культуре как вере, предназначенной для внедрения в массы

Сила идеалов

До сих пор значению силы идеалов и их оценке уделялось слишком мало внимания. Тем, кто ныне относится к этому пренебрежительно, я хотел бы напомнить, особенно если они сами были солдатами, о героической эпохе, когда поступками людей управляли идейные мотивы. То, что заставляло тогда людей умирать, не было связано с хлебом насущным, а было замешано на их любви к своей стране, на осознании ее величия, на чувстве гордости за нацию. И только после того, как немцы повернулись спиной к этим идеалам, следуя материальным обещаниям революции, и сменили винтовки на рюкзаки, они попали вместо земного рая в чистилище, встретив пренебрежение и нужду.

В связи с этим возникает еще большая необходимость противопоставления бытия материальной республики вере в идеальный рейх.

Арийцы как хранители культуры

Марксистская доктрина представляет собой краткую духовную выжимку из взгляда на жизнь, считающегося ныне вполне обоснованным. Поэтому борьба так называемого буржуазного мира против марксизма нереальна и даже нелепа, так как этот буржуазный мир пронизан всевозможными развращенными элементами и преклоняется перед взглядом на жизнь, который отличается от марксистского только степенью личной убежденности. Буржуазный мир стал, по существу, марксистским, сохраняя лишь веру в возможность доминирования определенных человеческих групп (буржуазии), тогда как марксизм планирует последовательную передачу мира в руки евреев.

В противоположность этому народная точка зрения исходит из важности естественных расовых элементов человечества. В принципе она видит в государстве только средство сохранения расового существования людей. При этом имеется в виду не равенство рас, а как раз их различие и превосходство одних над другими. Из понимания этого происходит чувство ответственности в соответствии с доминирующей в нашем мире извечной волей к победе лучших и более сильных и с требованием подчинения им со стороны слабых. Аристократическое сознание в принципе поддерживает такое положение вещей, исходя из своей природы и уверенно-

сти в обоснованности этого закона, стараясь довести его до каждой отдельно взятой личности. Он учитывает разницу не только между расами, но и между отдельными людьми. Выделяя индивидуум из массы, он несет организующее начало в противоположность дезорганизующему марксизму. Он вместе с тем предполагает идеализацию человечества, видя в этом единственную презумпцию его бытия, но не может гарантировать существование некой этической идеи, если она представляет опасность для расового бытия носителей высшей этики, ибо в гибридизированном и негритянском мире могут быть утрачены навсегда концепции красоты и возвышенности будущего человечества.

Культура и цивилизация неразрывно связаны с существованием арийцев. Их вымирание или упадок приведут к тому, что над миром опустится черная завеса бескультурия.

Подрыв основ культуры путем ликвидации того, что ее поддерживает, рассматривается в нашем народе как самое тяжкое преступление. Тот, кто осмелится тронуть дерзкой рукой изображение Господа Бога, совершит грех по отношению к создателю этого чуда и поможет изгнанию человечества из рая.

Государство – только средство

Каждому необходимо уяснить, что государство представляет собой только средство поддержания культуры. Оно, ко-

нечно, играет важнейшую роль в формировании высокой культуры, но не является ее первопричиной. Основа ее заключена исключительно в расовой природе самой культуры. На земном шаре могут существовать сотни различных государств, но если вымрут те из них, что поддерживают арийскую культуру, ни одна другая культура не будет соответствовать по своему духу уровню людей с высшим развитием. Кто-нибудь может пойти дальше и сказать, что сам факт существования государственности не исключает, по крайней мере, возможности исчезновения какой-либо расы, поскольку высшая интеллектуальная способность и гибкость, лишенные расовой опоры, могут быть утрачены.

У евреев нет никакой культуры

Еврейский народ с его несомненными интеллектуальными качествами не имеет настоящей культуры, и, прежде всего, своей собственной. Показная еврейская культура ныне является, по сути дела, достоянием других народов и к тому же в значительной степени в еврейских руках искажена.

Если оценивать отношение евреев к культуре, следует прежде всего иметь в виду в качестве одной из основных характеристик тот факт, что никогда не было, а следовательно, нет и сегодня еврейского искусства. Если взять, например, двух королей искусства – архитектуру и музыку, то можно констатировать отсутствие там чего бы то ни было ориги-

нально еврейского. Все, чего они достигли в области искусства, либо носит одиозный характер, либо является интеллектуальным воровством. Таким образом, у евреев нет тех качеств, которые характеризуют расы, обладающие созидательной, а вместе с тем и культурной одаренностью.

Необходимость пропаганды

Наибольшего успеха идейная революция может добиться, если новое мировоззрение будет, по возможности, доведено до большинства людей, а позднее, коли в этом возникнет необходимость, и навязано силой, так как носитель самой идеи – имеется в виду движение – в состоянии привлечь для работы на важнейших государственных постах лишь самое необходимое число своих сторонников.

Другими словами, это означает: в любом поистине великом революционном движении пропаганда должна предварительно распространить его идею. А это предполагает, что она должна попытаться сделать новое направление мыслей понятным для всех, спустить их с небес на землю или по меньшей мере заставить сомневаться в прежних убеждениях. Как только пропаганда какой-то доктрины, то есть именно пропаганда, обретет опору, доктрина сама обеспечит себя необходимой организацией. В эту организацию в качестве ее членовоййдут последователи, обретенные благодаря пропаганде. И она будет увеличиваться тем скорее, чем изощрен-

нее станет пропаганда, которая, в свою очередь, сможет работать более успешно, если за ней будет стоять мощная организация.

Как Гитлер оценивал массы

Воспитание больших масс людей возможно только при наличии духовного подъема населения, когда проведены все основные экономические преобразования, которые позволяют индивидууму приобщиться к культурным ценностям нации.

Нацификация большинства не может проводиться полумерами, со слабым акцентом на так называемую объективную точку зрения, но только жесткой и фанатичной односторонней ориентацией на поставленную цель. А это означает, что представителей нынешней «буржуазии» нельзя сделать «нацистами» при многочисленных ограничениях. Для этого необходима страстность, граничащая с крайностью. Воздействие яда снимается противоядием, а бесцветность и вялость буржуазии могут привести к выбору средней линии на пути к благоденствию.

Большая масса людей не состоит из профессоров или дипломатов. Небольшие абстрактные знания, которыми она располагает, направляют ее настроения и мысли в мир чувств. И от этого зависит ее негативное или позитивное поведение, признающее только силу одного из этих направ-

лений. Сентиментальность массы вызвана в первую очередь ее исключительной стабильностью. Поэтому гораздо труднее подорвать веру, чем знания, труднее изменить чувство любви, чем уважение. Ненависть прочнее, чем антипатия, а движущая сила наиболее важных перемен в мире во все времена слабо отражалась в научных исследованиях, не воодушевляя массы. Напротив, в массах доминирует фанатизм, а истерия ведет их вперед.

Тот, кто овладеет массами, должен знать ключ, который откроет дверь к людским душам. Он называется, однако, не объективностью, а слабостью, требующей власти и силы.

Борьбу за души людей выиграет только тот, кто наряду с усилиями по достижению собственных целей станет уничтожать силы, поддерживающие противную сторону.

В яростных атаках на своих противников люди всегда видели доказательство собственной правоты, воспринимая отказ от их ликвидации как неуверенность и сомнения в справедливости своих требований, а то и вовсе как признак своей неправоты.

Большие массы людей являются лишь частью природы, и осознание этого не допускает сплошных рукопожатий, ибо каждый хочет чего-то другого. Всеобщим желанием становится победа сильнейших и достижение безоговорочной капитуляции слабых.

Нацификация народных масс будет успешной только тогда, когда вместе с позитивной борьбой за их души будут

уничтожаться международные отравители.

Из всех вопросов, возникающих в данное время, наиболее существенными представляются злободневные, поскольку они вызваны определенными причинами. Один из них, однако, имеет постоянную значимость, а именно вопрос о расовой сохранности и чистоте народа. Только в крови заключены как сила, так и слабость человека. Пока люди не осознают и не будут придавать должного внимания своей расовой основе, они подобны чудакам, которые стараются сделать из пуделя борзую собаку, упуская из виду, что быстрота борзой и послушание пуделя заложены в их родословной и не поддаются обучению. Люди, отказывающиеся от сохранения своей расовой чистоты, отказываются и от единения своих душ во всех их проявлениях. Нормальное состояние людей зависит от естественного состояния их крови, а изменения в их духовном и созидательном началах являются следствием изменения их расовой основы.

Тот, кто хочет избавить германский народ от качеств и пороков, присущих его природной натуре, должен сначала избавить его от чужестранцев, авторов различных измышлений.

Без четкого понимания расовой проблемы, а вместе с тем и еврейского вопроса, подъем и расцвет германской нации невозможен.

Расовый вопрос является ключевым не только для всемирной истории, но и для человеческой культуры в не мень-

шей степени.

Образование должно основываться на идеалах

Отличительной чертой нынешнего материалистического времени является то, что наше научное восприятие все более и более склоняется в сторону естественных наук – математики, физики, химии и так далее. Не столь важно, есть ли в этом необходимость, когда техника и химия становятся доминирующими в повседневной жизни. Появляются все более очевидные симптомы опасности того, что нынешнее образование нации будет повернуто только в эту сторону. Как раз наоборот, образование и воспитание должны быть идеалистичными. Они должны в большей степени корреспондироваться с классическими дисциплинами и получать направленную специализацию только после закладки необходимого фундамента. В противном случае окажутся в забвении силы, которые имеют даже более важное значение для сохранения нации, чем технические или иные способности. В особенности, изучая историю, нельзя уклоняться от античности. Римская история, богатая разнообразными событиями, была и остается лучшим учителем не только для нынешнего времени, но и, скорее всего, на все времена. Эллинский идеал культуры должен быть также сохранен как образец красоты. Вместе с тем нельзя допускать, чтобы различия

отдельных рас разрушали нашу большую расовую общность. Яростная борьба, которую мы ныне ведем, преследует великие цели. В частности, борется за свое существование культура, объединяющая золотой век, эллинизм и германизм.

Необходимо проводить строгое различие между общим образованием и специальными знаниями. Поскольку ныне в большей степени, чем когда-либо, они угрожают податься в услужение чистому маммоне, общее образование с его более идеальной ориентацией должно быть сохранено в качестве противовеса. Более того, следует всегда исходить из принципа, что индустрия и техника, торговля и профессии будут процветать до тех пор, пока идеалистически настроенное национальное сообщество будет обеспечивать необходимые условия и предпосылки. Но оно основывается не на материальном эгоизме, а на радостной готовности к самоотречению и жертвоприношению.

(Гитлер Адольф. Майн кампф.)

Образование, инстинкт и воля

Необходимость изменения характера образования вызывается тем, что мы ныне страдаем от избытка образования. Ценны только знания, но всезнание является врагом действий. Что сейчас необходимо, так это инстинкт и воля.

(Из выступления Адольфа Гитлера в Мюнхене 27 апреля
1923 года.)

Гитлеровское определение культуры и искусства

Культурный ренессанс

18 июля 1937 года Гитлер выступил с речью на открытии Дома германской культуры в Мюнхене, который должен был заменить прежний Стекланный дворец. В результате краха Германии после войны, отметил он, возник общий экономический упадок, многие люди перестали интересоваться политикой и не обращали никакого внимания на упадок культуры. Наступила эра пустой фразеологии и лозунгов. В сфере экономики нищета, страдания людей и безработица лишали эти фразы их силы. В политической же сфере фразы о «международной солидарности» имели большой успех, маскируя наличие политического коллапса. Однако с течением времени несостоятельность парламентско-демократической формы правления, скопированной на Западе, который, невзирая на эту демократическую форму, продолжал вымогать у Германии все, что у нее еще оставалось, провалила распространителей этих фраз. Наиболее долго подобная фразеология оставалась эффективной в области культуры, но и там все окончилось полным крахом, исходя из характера самой культуры, хотя влияние евреев в ней было преобла-

дающим, а контроль над прессой давал им возможность запугивать тех, кто осмеливался выступать за «нормальную и здоровую интеллигентность и человеческие инстинкты». Искусство было объявлено «международным опытом», в связи с чем понимание его тесной связи с народом не допускалось. Заявлялось, что таких понятий, как народное искусство, а точнее говоря, расовое, вообще не существует: было, мол, только искусство определенного периода. Оказывалось, что не греки создали искусство Греции, не римляне – искусство Рима и так далее, а были лишь некие периоды, которые и определяли характер искусства. Следовательно, искусство было «феноменом, определявшимся временем». Так что ныне нет ни немецкого, ни французского искусства, а только – «современное искусство». Искусство тем самым сводилось до уровня моды на одежду под лозунгом: «Каждый год – что-нибудь новое» – импрессионизм, футуризм, кубизм, может быть, даже и дадаизм. Такие утверждения можно было бы принять за комичные, если бы это не было столь трагично.

В результате в оценке искусства возникла неопределенность и замалчивание тех, кто протестовал против культурного большевизма, так как пресса продолжала отравлять наше здоровое восприятие искусства. И так же как по требованиям моды человек должен надевать «модернистское» платье, несмотря на то, красиво это или нет, великие мастера прошлого были подвергнуты порицаниям. Однако истинное искусство было и остается вечным, оно не следует законам

сезонной моды: его эффективность исходит из откровений, заложенных в глубине человеческой природы, что и наследуется следующими поколениями. Те, кто не в состоянии создать что-либо вечное, не могут говорить о вечности. А ведь они стремятся приглушить блеск гигантов, которые из прошлого дотягиваются до будущего, чтобы высечь из наших современников искры пламени. И на сегодняшний день имеются плохие художники-мазилки, представляющие собой продукцию-однодневку: вчера их еще не было, сегодня они модны, а завтра – устареют. Еврейское утверждение, что искусство связано с каким-то определенным периодом, для таких художников просто находка: их творения могут считаться искусством сегодняшнего дня, искусством так называемой малой формы и содержания. К тому же они нетерпимы к мастерам прошлого и соперникам настоящего. Это, по сути дела, настоящий заговор бездарности и посредственности против прекрасных работ любого времени. Новые богачи, не разбирающиеся в прекрасном, прислушиваются к мнению этих дельцов от искусства. Современные творения сложны для понимания, а следовательно, и ценны: ведь никто не хочет прослыть человеком, не имеющим никакого понятия и не разбирающимся в искусстве. А коль скоро находятся люди, ничего не понимающие в искусстве, и к ним добавляются еще и другие такие же, то они станут восхищаться непонятным.

Это «модернистское искусство» национал-социализм на-

мерен заменить «германским» вечным искусством. Дом германского искусства предназначен для искусства немецкого народа, а не какого-то международного искусства.

«Народ представляет собой константу в непрерывном потоке явлений. Будучи постоянным и неизменным, он определяет характер искусства, которое, в свою очередь, становится перманентным. Поэтому не может быть никакого стандарта вчерашнего или сегодняшнего дня, модернистского или немодернистского характера. Определяющим должен быть стандарт «ценные» или «ничего не стоящие», «вечные» или «скоропреходящие» творения. Поэтому, говоря о германском искусстве, я считаю, что единственный стандарт для него – немецкий народ с его характером и жизнью, чувствами, эмоциями и эволюцией».

Из истории развития нашего народа мы знаем, что он формировался из целого ряда более или менее отдельных и самостоятельных рас, оказывавших друг на друга созидательное влияние в ходе тысячелетий. Так что ныне мы видим результат этого смешения в нашем народе. Сила, формировавшая людей в прошлом и продолжающая этот процесс в настоящем, заключена в арийстве, обеспечившем появление ранних цивилизаций в глубокой древности и поддерживающем цивилизацию в наши дни.

Процесс формирования нашего народа вызвал много побочных явлений в культурном развитии, однако, если мы рассмотрим конечный результат этого процесса, то невольно

возникает желание иметь такое искусство, которое отвечало бы возрастающей однородности расовой структуры нашего народа и несло бы в себе характеристики этого единства и однородности. В прошедшие века было предпринято много попыток определить, что же в действительности означает «быть германцем». Я не буду пытаться дать некое разъяснение в первой инстанции. Вместо этого я издам закон, суть которого излагалась уже великими немцами: «Быть германцем означает полную ясность», то есть быть логичным и правдивым. Этот дух всегда жил в нашем народе, давшем миру великих художников, скульпторов, архитекторов, мыслителей, поэтов и прежде всего музыкантов. Когда 6 июня 1931 года был сожжен дотла Стекланный дворец, то в огне пропали неувядаемые ценности германского искусства. Многие мастера искусства получили ярлык романтиков, на самом деле ярко демонстрируя поиски реального, истинного характера нашего народа для отражения в своих творениях установленного закона жизни. Решающую роль при этом играл не их выбор субъектов, а стремление к простому и четкому изображению чувств.

Многие оригинальные работы утеряны, и у нас остались лишь их копии или репродукции, а вместо работ этих мастеров выставляется в больших количествах продукция современных так называемых «художников-созидателей». Те из них, кто чувствует себя германцем, создают творения, которые будут высоко цениться, пока будут живы немцы,

способные ими любоваться. Но и современные произведения мы также сохраним в качестве документов, иллюстрирующих глубину человеческого падения. Выставка «дегенеративного искусства» должна послужить в этом смысле хорошим уроком.

В течение долгих лет, когда я планировал создание нового рейха, меня часто занимали мысли о тех задачах, которые будут ожидать нас в ходе чистки культурной жизни нашего народа: наряду с политической и экономической реформами должен был начаться культурный ренессанс. Я был убежден, что первостепенная задача народа, попранного всем миром, – сохранить, несмотря на притеснения, свои ценности. К их числу в первую очередь относились достижения в области культуры. Поэтому я был твердо намерен в день, когда судьба, наконец, даст нам власть, не обсуждая ни с кем эти вопросы, принять собственное решение, поскольку не всем дано понимание столь великих задач. Среди планов, появлявшихся в моем мозгу еще во время войны и после краха государства, была идея построить новый большой выставочный дворец в Мюнхене. А вскоре я выбрал место, где он и был возведен. В 1931 году я опасался, что меня могут упредить и «участники ноябрьских событий» сами построят выставочное здание. В то время вынашивались планы строительства такого сооружения, которое могло бы быть использовано в качестве железнодорожной станции или плавательного бассейна. Однако когда мы пришли к власти в 1933 го-

ду, план этот осуществлен не был, и возведение здания стало задачей Третьего рейха. Сооружение получилось уникальным, единственным в своем роде, не идущим в сравнение с чем-либо подобным. Это – самый настоящий монумент для города и, более того, для германского искусства. Его появление знаменует собой поворотный пункт в нашей истории, поскольку оно является первым из серии новых сооружений, которые займут свои места наряду с другими достижениями германского искусства.

Дома этого, однако, недостаточно – необходимо отдельное здание для выставок. Если я сейчас говорю об искусстве, то считаю, что имею на это право, поскольку лично мною сделан вклад в реставрацию германского искусства. Нынешнее немецкое государство, созданное мною вместе с соратниками, обеспечило необходимые условия для расцвета искусства. Мы не коллекционируем произведения искусства, подобно большевикам и их приспешникам, ибо вложили значительные суммы для поддержки и поощрения искусства, поставив перед ним новые великие задачи. В искусстве, как и в политике, мы не намерены заниматься пустой болтовней, а будем говорить четко и ясно. Необходимым условием для художников, желающих выставить здесь свои творения, является их дарование. Оценивая произведения модернизма, люди говорят, что это, мол, выражение нового времени, но ведь искусство не создает новые эпохи. В жизни людей с течением времени происходят определенные изменения, и у

художников часто появляется потребность в новых выразительных средствах. Новая эпоха создается не литераторами, а бойцами, формирующими сознание, народными лидерами, делающими историю. Надо обладать бесстыдной наглостью или большой глупостью, чтобы выставлять на всеобщее обозрение работы, подобные тем, что могли быть сделаны десять или двадцать тысяч лет тому назад людьми каменного века. В таких случаях говорится о примитивном искусстве, забывая о том, что искусство не имеет права отступать от достигнутого уровня развития. Единственной его функцией является отражение этого развития.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.